знакомых ему греков. Отсутствие послесловия во всех списках, кроме Лаврского, объясняется тем, что книжники опускали его, боясь, „дабы не уменьшить и не ослабить влияния «Повести» на народное чувство известием, что она написана «потурченцем»“. Что же касается цитаты из „Видения Даниила“, то отсутствие ее в ряде списков Леонид считает вторичным явлением. Таким образом, Леонид не сомневается в том, что тот состав, в котором „История“ представлена Лаврским списком, является ее исконным составом. Точно так же совершенно определенно решаются им вопросы о времени и процессе создания „Истории“ и о ее авторе. „История“, по мнению Леонида, написана Искандером по свежим следам событий, еще во время его пребывания с турецкими войсками в Царьграде. Судя по тому, что Леонид ничего не говорит ни о языке, на котором „История“ была написана, ни о переводе ее на русский язык, можно полагать, что и здесь для него всё было ясно — Искандер писал по-русски.[1]

Такими простыми казались все эти вопросы для Леонида. Но по мере того, как всё глубже и глубже изучалась „История“, всё труднее оказывалось правильное решение их. Так, уже Г. Дестунис в своей статье по поводу издания Леонида высказал ряд осторожных, но вполне определенных замечаний о грецизмах, встречающихся в тексте „Истории“. Особенно ценно в этих замечаниях то, что Г. Дестунис не ограничивался только указанием грецизмов в лексике „Истории“, но отмечал их в ее синтаксических оборотах и фразеологии. Такие обороты как: „от среды сердца... моляхуся“ (8), „не бе от них ни гласа, ни послушания“ (10), „сотворити что мужественное на память последним“, „паки да придем к прележащему“ (29) и многие другие Г. Дестунис считал явно греческими оборотами.[2] Замечания Г. Дестуниса в известной мере вызывали сомнение в русском происхождении „Истории“, что в дальнейшем и сказалось на истории ее изучения. Правда, сам Г. Дестунис крайне осторожен в своих выводах, он считает, что „подобные обороты могли уже издавна войти да, без сомнения, и вошли в русскую письменность, и как бы срослись с нею так, что они не могут служить показателями того, что текст повести первоначально был написан по-гречески, а потом уже переведен“.[3] Указав на наличие в тексте „Истории“ слов греческого „просторечия“ и рассмотрев некоторые эпитеты, Г. Дестунис приходит к следующему выводу: „Разбор вероятностей, клонящихся к тому или другому взгляду, скорее ведет к заключению о русском происхождении автора, нежели о греческом, хотя всё же такое заключение и не может быть нами признано за окончательное“.[4]

Если внимание к языку „Истории“ привело Г. Дестуниса к некоторому сомнению в русском происхождении ее автора, что для Леонида казалось бесспорным, то изучение фактических данных ее заставило другого крупного ученого, А. И. Соболевского, отрицать авторство Нестора Искандера. А. И. Соболевский увидел противоречие между содержанием послесловия и самой „Историей“. По его мнению, „фактические данные повести показывают, что автор во время осады Царьграда находился в Царьграде“. Что же касается повести, то она могла быть написана кем-либо из членов русской колонии Константинополя,

---

[1] Леонид, ук. соч., стр. III—VI.

[2] Г. Дестунис. Новоизданный список повести о Царьграде. ЖМНП, 1887, т. II, стр. 373.

[3] Там же.

[4] Там же, стр. 374.